

Улица выглядела так же, как прежде, и здания тоже. Даже разбитые фонари не изменились.

Чэнь Ханьшэн стоял у входа в свой дом. Он хотел постучать мягко, но в итоге это получилось у него, как всегда, громко. Мам, я вернулся.

Сначала открылась внутренняя деревянная дверь, и в поле зрения Чэнь Ханьшэна появилась женщина средних лет. Как только она открыла дверь, она поспешила сделать ему выговор. Что ты шумишь так сильно? Тебя слышит весь дом. Ты уже взрослый мужчина, но даже ключи с собой не берешь, когда выходишь.

Те же слова, тот же запах. Подумал про себя Чэнь Ханьшэн.

Чэнь Ханьшэн нервничал перед тем, как постучать в дверь. Но как только он увидел свою мать и услышал, как она разговаривает, он почувствовал себя так, как будто ему снова семнадцать. Ничего не изменилось. В конце концов, Чэнь Ханьшэн вошёл внутрь дома, несмотря на то, что мать весь это время сурово на него смотрела. Гостиная выглядела немного душной, но в остальном он чувствовал себя как дома. Он наклонился за диван, чтобы взять пульт дистанционного управления. Почему вы не включите кондиционер? Тут так жарко. Где папа?

Лян Мэйцзюань достала охлаждённый арбуз и сказала: Только и знаешь, что включать кондиционер, когда возвращаешься домой. Твой отец ещё не вернулся с работы.

Увидев охлаждённый арбуз, Чэнь Ханьшэн усмехнулся. Кажется, моя мама всё ещё обо мне заботится.

Ну, у меня всего один сын, которого приходится кормить.

Лян Мэйцзюань посмотрела на своего жизнерадостного сына. Она очень любила его, но притворялась, что относится к нему со всей строгостью. Где письмо о зачислении?

Чэнь Ханьшэн небрежно бросил конверт с письмом о зачислении на обеденный стол. Вот.

Ты что, хочешь, чтобы тебя отлупили?!

Лян Мэйцзюань поспешно подняла конверт и убедилась, что на нем нет сока от арбуза. Затем она слегка ударила Чэнь Ханьшэна лопаткой. Маленький негодник, ты всё ещё хочешь пойти в университет?

Лян Мэйцзюань осторожно достала письмо о зачислении и прочла слова, напечатанные сверху. Чэнь Ханьшэн принят на факультет государственного управления. Пожалуйста, сообщите в университет с этим уведомлением 1 сентября 2002 года.

Хотя в 1999 году в отечественные университеты наблюдалось увеличение числа зачислений, для представителей старшего поколения поступление в университет по-прежнему было хорошим событием.

Ведь многие из того поколения, например Лян Мэйцзюань, не учились в университете, как и многие из её племянников и племянниц. Хотя её сын был не очень послушным, в учёбе он преуспел. Он может быть только во второй группе поступления, но он все равно мог бы сдать вступительный экзамен в аспирантуру в будущем.

Пока Лян Мэйцзюань читала письмо, Чэнь Ханьшэн уже умял половину арбуза. Как только он закончил, он похлопал себя по животу и ушёл в ванную принимать душ. Лян Мэйцзюань

быстро посоветовала ему: Подожди, пока вода нагреется десять минут, а то простудишься.

У них был водонагреватель на солнечной энергии, а это означало, что перед тем, как идти в душ, нужно было дать воде некоторое время на то, чтобы она нагрелась. Но Чэнь Ханьшэн её не послушал. Он взял свежую одежду и прошёл в ванную комнату. День такой жаркий, так что я лучше приму холодный душ.

Негодник! Лян Мэйцзюань не смогла его убедить, поэтому ей оставалось только отпустить это. Она ещё раз взглянула на письмо о зачислении и вдруг почувствовала облегчение.

Поддержать ребёнка во время учёбы требовало больших усилий как в финансовом, так и в умственном плане.

Но через четыре года мы с его отцом сможем расслабиться и полностью сосредоточиться на том, чтобы помогать заботиться о наших внуках. И нам больше не придётся ни за чем гнаться.

Это был тот день, которого с нетерпением ждала Лян Мэйцзюань, женщина средних лет из Порт-Сити.

...

Чен Ханьшэн принял освежающий душ, наслаждаясь этим, а затем застыл перед зеркалом, разглядывая свое восемнадцатилетнее лицо. Он был молод, здоров и полон жизненных сил.

Но если посмотреть глубже в глаза отражения в зеркале, можно было почувствовать его истинное «я», тридцатипятилетнего мужчину.

Чен Ханьшэн внезапно потянулся и дотронулся до своего отражения в зеркале. «Раз уж я был отправлен назад во времени, то должен совершить нечто стоящее. Хотя у меня никогда не будет недостатка в деньгах, разве всё не потеряет смысл, если я ничего не сделаю иначе на этот раз?!»

В этот момент Чен Ханьшэн услышал звук открывающейся и закрывающейся железной двери, затем мужской голос в гостиной. Он нацепил на лицо серьезное выражение, надел свободную рубашку и трусы и вышел за дверь. «Папа, ты вернулся!»

В гостиной стоял красивый и высокий мужчина средних лет. Это был отец Чэнь Ханьшэна, Чэнь Чжаоцзюнь. Чен Ханьшэн был очень похож на него, но их характеры были совершенно разными.

Чэнь Чжаоцзюнь редко говорил, и Лян Мэйцзюань часто говорила, что он был человеком дела, полной противоположностью их сыну, который был более жизнерадостным и менее послушным.

Поэтому, несмотря на радостное приветствие сына, Чэнь Чжаоцзюнь смог выдать из себя лишь легкий ответ. Когда он повернулся, чтобы взглянуть на сына, он заметил, что Чен Ханьшэн только что принял душ, и на его спине еще были капли воды. Чэнь Чжаоцзюнь молча подошел и повысил температуру кондиционера в гостиной.

Прежде чем Чен Ханьшэн успел заговорить с отцом, Лян Мэйцзюань достала пачку сигарет из белья Чэнь Ханьшэна и положила ее на стол. «Ну и молодец, Чен Ханьшэн. Научился тайком курить?»

Это были сигареты марки «Хунцзиньлин», которые Чен Ханьшэн конфисковал у своего учителя мистера Сюй. Он забыл спрятать их, поэтому неудивительно, что Лян Мэйцзюань их нашла.

Чен Ханьшэн остался невозмутим. «Мистер Сюй насильно дал их мне. Точнее сказать, как утешение за неудачные вступительные экзамены в университет».

«Чушь собачья!» Лян Мэйцзюань ему не поверила. «Как учитель может давать сигареты ученику? Чэнь Чжаоцзюнь, ты ничего не скажешь? Тебе все еще есть дело до сына?»

Чэнь Чжаоцзюнь совсем не хотел вмешиваться в эту «войну» между матерью и сыном. Он уже почти сумел пробраться в спальню, но Лян Мэйцзюань вовремя его поймала.

Чэнь Чжаоцзюнь обернулся, чтобы взглянуть на свою разгневанную жену и безразличного сына, и в конечном итоге решил встать на сторону жены.

«Тебе еще рано курить в таком возрасте. Даже если ты социализированный курильщик, тебе следовало хотя бы подождать до университета. Я заберу эту пачку сигарет пока».

Чэнь Чжаоцзюнь, говоря это, положил сигареты в карман. Чен Ханьшэн был смущен тем, что не привез домой никакого подарка родителям с тех пор, как вернулся во времени.

«Тогда эта пачка сигарет будет им подарком!» – великодушно подумал Чен Ханьшэн.

После ссоры семья наконец-то села за стол ужинать. Лян Мэйцзюань не забыла завести тему вместе с мужем во время ужина. «Не забудь подать заявление на отпуск. Мы должны отправиться с Ханьшэном в университет».

Чэнь Чжаоцзюнь кивнул, но Чен Ханьшэн покачал головой.

«Я могу поехать сам. Тебе не нужно беспокоиться обо мне».

Лян Мэйцзюань бросила на него сердитый взгляд. «Это же за сотни километров. К тому же у нас остались лишние деньги после оплаты за твое обучение».

«Оставьте их себе», – сказал Чен Ханьшэн.

В то время Чен Ханьшэн тоже не просил родителей сопровождать его. Они оплатили его обучение наличными, и он сел на автобус с несколькими тысячами юаней, оставшихся у него в кармане. Тогда он очень нервничал.

«Кроме того...», – на мгновение Чен Ханьшэн сделал паузу, прежде чем продолжить. – Если бы наша семья соответствовала условиям для студенческого кредита, я бы уже давно оформил его. Мне очень хотелось воспользоваться государственной программой».

"Вздор!" — Лян Мэйцзюань положила палочки и сказала, — "Хотя наша семья не богата, дать тебе денег на университет — для нас не проблема. Не пытайся обмануть нас, просто делай все как надо и сосредоточься на учебе."

Лян Мэйцзюань хорошо знала своего сына. Но Чэнь Ханшэн отказался слушать, сказав: "Я все обдумал. Кроме первого семестра, в будущем я не попрошу у вас денег на обучение и содержание. Я сам придумаю, как заработать!"

"Попробуй только послушаться!"

Лян Мэйцзюань нахмурилась.

"Чего тут бояться?!" — ответил ей Чэнь Ханшэн.

"Чэнь Чжаоцзюнь, скажи что-нибудь!"

Всегда все сводилось к этому: когда мать и сын спорили, судьей становился Чэнь Чжаоцзюнь. Эта семейная традиция сохранилась и в будущем.

Чэнь Чжаоцзюнь задумался и медленно сказал: "Ханшэн уже вырос. Нормально, что он хочет рискнуть, главное, чтобы с учебой не отставал."

Лян Мэйцзюань рассердилась еще больше, когда муж встал на сторону сына: "Этот ребенок был таким послушным с самого детства. Теперь ты мне говоришь, что мальчикам нужно развить независимый и упорный характер и чувство ответственности. Ты всегда поддерживал его странные идеи, вот он меня уже и не слушается."

Однако голосование семейной демократии закончилось со счетом два к одному, и это означало, что предложение Чэнь Ханшэна самому о себе позаботиться и зарабатывать деньги было одобрено. Лян Мэйцзюань продолжала злиться даже перед сном.

Чэнь Чжаоцзюнь успокаивал жену: "Ханшэн может быть не самый лучший ученик, но ты же знаешь, что он умеет хорошо ладить с людьми и руками работает лучше многих своих сверстников. Его сильные стороны станут еще заметнее, когда он пойдет работать."

Когда тридцатипятилетний Чэнь Ханшэн сразу после окончания университета начал свое дело, он несколько раз терпел неудачи, прежде чем добился успеха. Настойчивость и коммуникативные навыки его отец в нем воспитывал с детства.

"Мой сын, кажется, ты научился быть рассудительнее", — пробормотала себе под нос Лян Мэйцзюань.

Чэнь Чжаоцзюнь рассмеялся: "Просто наш сын наконец-то вырос."

...

<http://tl.rulate.ru/book/90524/3922254>